

Ирина Батальская

До свидания, моя хорошая

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ирина Батальская

До свидания, моя хорошая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Батальская И.

До свидания, моя хорошая / И. Батальская — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Живущая в Германии семья Островски лицом к лицу сталкивается с неутешительным диагнозом своего еще не родившегося ребёнка. Книга написана от лица матери в форме личного дневника. Содержит нецензурную брань.

Ирина Батальская

До свидания, моя хорошая

13 сентября 2019 года.

Оглядываясь назад, сложно себе представить, что мы прошли через всё это. Но мы смогли. У нас был выбор, но даже сейчас, пролив столько слёз, я думаю, что мы, скорее всего, приняли правильное решение.

И если кто-нибудь спросит меня, приняли бы мы еще раз такое же решение, я уверенно скажу „да“.

Ведь здесь по большому счету нет никакого героизма. Здесь есть только боль. Боль – и любовь. И еще то, что я до сих пор не могу произнести. Я протягиваю руки и свет играет на моих ладонях – и тогда я уверена – это ты посылаешь мне такие красивые, такие живые лучи.

Вообще же я уже привыкла к такой жизни – это когда долго размышляешь, прежде, чем позволить себе сказать „доброе утро“, прислушиваешься к себе – а доброе ли? Слишком часто во время той истории мне желали доброго утра, хотя ничего доброго в нём не было. До сих пор очень часто я отделяюсь быстрым „привет!“ И стараюсь не смотреть в глаза. Раньше я любила утра. Сейчас – ненавижу.

И всё вроде бы идет у тебя по плану, дела делаются, проблемы решаются, кофе с урчанием льется из кофейной машины в любимую чашку и сдабривается миндальным молоком... Восхищаешься шикарными розами, выращенными соседкой – и себе мечтаешь завести такие же... не сейчас, но, может быть, через год... а потом вспоминаешь... вспо-ми-на-ешь... и всё, и – словно вскрывается болезненная рана, которая все никак не затянется, с которой раз за разом срывают тонкую шкурку, как только она начинает заживать. И литры, литры слёз – опять, снова – откуда их столько? Я раньше даже не знала, что можно столько плакать... и только немного позже, автоматически соединяя в голове следствие с причиной, вдруг приходишь к мысли, что приближается та самая дата... пятнадцатое число.

Пятнадцатое число каждого месяца – оно для меня особое. Это день, когда обрушились наши ожидания, это день, после которого пришлось многое переосмыслить... Не *тридцатое* – эта дата вызывает легкую грусть – но пятнадцатое, день, в который всё перевернулось...

17 мая 2018 года

На протяжении вот уже нескольких лет в моих снах периодически присутствует одна и та же деталь. Огромный заброшенный дом, многоэтажка с разбомбленными, как будто во время войны, балконами, на которых сушится пёстрое тряпьё. Как будто дом населён, но лишь подойдя ближе, чувствуешь гулкую пустоту и особенный, сильный запах свежескопанной земли, исходящий от него. При этом, опять же, несмотря на пустоту, создаётся впечатление непрерывного движения внутри, как будто люди все-таки есть, но они не видимы обычному глазу. Этот дом просто стоит, но он не играет никакой роли в сюжете моих снов. Сегодня я снова видела его. И наконец решила описать свой повторяющийся сон. Возможно, мне выдаёт его мое подсознание... но что он значит, я до сих пор не поняла.

Странные вещи, объяснения которым нет, творятся в последнее время. Вчера, выходя из редакции, Сенька нашёл на земле самодельную фигурку из бусин – такие обычно продают на благотворительных базарах, собирая деньги на что-либо. Собственной ценности такие фигурки обычно не имеют, они служат для сбора средств на какую-нибудь цель. Фигурка называется «ангел» и многие верят, что это ангел-хранитель, но я к этому отношусь скептически. Просто фигурка топорненькая, из чёрных бусинок и дешевых железных элементов. Сенька же вручил ее мне.

–Смотри, какой ангелок, – сказал он, – интересный такой.

Вообще он не любитель бижутерии, да и я тоже, но почему-то захотелось повесить ангелка на собачку молнии кошелька и теперь он болтается там.

18 мая 2018 года

Май вообще всегда был моим любимым месяцем. В мае мы с Сеней познакомились – тогда он был высоченным лопоухим студентом, смешным и несуразным, но очень милым. Целыми днями пропадал в разных издательствах и на бесплатных практиках, за которые ему щедро платили конфетами – а он постоянно таскал эти конфеты на свидания. Как я придумывала сто пятьдесят отговорок, лишь бы только эти конфеты не брать... А потом... потом мы стали парой и в первую же нашу совместную годовщину дружно забыли о том, что сегодня именно та дата... Так у нас повелось – причем, это совершенно не специально.

Сегодняшнее утро началось с неприятной головной боли. Пульсировал висок, боль приходила скачками. А ведь мне еще надо отвести мальчишек в садик и готовить презентацию. Хорошо, что Сеня взял на себя часть заданий. Гришку и Мишку именно он сегодня отвёз.

Потом эта противная мелодия на телефоне. Я думала, что он всегда в беззвучном режиме, но оказывается, нет. Причем я понятия не имею, кто установил именно Сиртаки звуком-напоминанием. Точно не я. Наверное, Сеня?

Напоминание оповещало меня, что я давно ничего не отмечала в календаре. В моем женском календаре, я веду его на смартфоне – так удобнее и он всегда под рукой. Ну мало ли, я часто забываю заходить в приложения и отмечать там разное – вот и об этом календаре я, видно, как-то подзабыла, а он „разволновался“. Хорошо, что хоть кто-то помнит, раз не я сама. Последний раз отмечала почти два месяца назад, но апрель выдался богатым на события – сначала 18 апреля у Гриши день рождения – четвертый! До сих пор не верю! К нам приезжали Гончаровы из Америки, я таскала их по городу, каждый уголок обсказала, наверное, а они почти как наши вездесущие туристы из Азии – везде со своим фотоаппаратом и все надо заснять! Они гостили полторы недели, потом Сеня был на майские дома и еще взял себе неделю отпуска – и тоже всё как-то завертелось... А ведь я и правда не отмечала в календаре ничего, начисто забыла... Но, вроде бы, ничего и не должно было быть, мы были очень осторожны...

[Дополнено 18 мая 2018 через полчаса]

После того, как я дописала то, что написано выше, я решила, все же, удостовериться в том, что ничего такого не происходит. Тест у меня был. Один, но надежный, проверенный. Конечно, я думала, что ничего и быть не может... Но результат – положительный! До сих пор меня трясет, холодная дрожь и зубы стучат... как так вышло, я не представляю. Сначала я разрыдалась. Эти две полоски похоронили все мои планы на ближайшие пару лет. Не будет уже точно предновогодней выставки в Дюссельдорфе, не поедем кататься на лыжах, а ведь Гришка спит и видит себя в лыжном костюме на склоне!

И даже декабрьского экзамена – и его не будет! Срок я точно не знаю, но где-то зимой. Январь, наверное. Надо записаться к врачу. Он скажет. Посмотрит – и скажет. Если эта беременность вообще здоровая. Когда были Гончаровы, мы выпивали с ними – не то, чтоб много, но было пару раз... ох...

Я уже все решила. Беременность эта нежеланная, но малыша я оставлю. А Сеня пусть думает, что хочет. Нам будет непросто без поддержки, но как-нибудь справимся.

Как же, конечно, невовремя всё это...

И ещё постоянные размолвки в последнее время. Мало нам кризиса в отношениях? Теперь вот еще одно испытание... Как мне Сене рассказать?

Что-нибудь придумаю. Придумаю.

19 мая 2018 года

Сеня, на мое удивление, отреагировал ровно. „Или у нас будет футбольная команда, или родится, наконец, девочка.“ – вот, что он сказал. Я записалась к женскому врачу и – вот чудеса!

Впервые за все мои беременности! – приём уже прямо на следующей неделе. Посмотрим, что скажет.

22 мая 2018 года

Есть, есть сердцебиение! Но это еще не всё, пишу сюда, чтобы не забыть. Врач, конечно, всё замерил, так вот, по замерам сейчас уже девятая неделя. То есть, я почти целый месяц ходила в неведении...

Врач взял все необходимые анализы и тут же выдал материнский паспорт – пришлось взять новую книжечку, старый уже полностью исписан данными о предыдущих беременностях.

Кровь взяли, ну и так, как обычно, вес измерили – но он пока не изменился. Вообще в этот раз все не так и беременность эта, конечно же, не запланированная. Нежеланная. Я до сих пор, второй уже день плачу, плачу горько и понимаю, что выхода тут нет. Потому что на самом деле я боялась... подсознательно боялась не увидеть на мониторе это маленькое сердце, а теперь я спокойна.

Срок поставили в новый год – 30 декабря. Все будет хорошо, хотя в этот раз все ощущается иначе... Всё будет хорошо. Новый год встретим уже другим составом.

22 мая 2018 года – малышу: Здравствуй, мой хороший, мой маленький – или маленькая, хорошая. Отчего-то в этот раз я внутренне уверена, что ты – девочка. Никогда, ни к одному из твоих старших братьев, не обращалась я письменно – а к тебе почему-то не могу обратиться даже шепотом – и поэтому пишу. Сегодня видела тебя на чёрно-белой картинке УЗИ. Врач сказал, что ты развиваешься хорошо. Что твой день рождения будет зимой, под новый год. Я когда увидела тебя, поняла, как сильно ты мне дорог. Скоро увидимся. Обнимемся. Прижмёмся друг к другу. Целую тебя. Мама.

25 июня 2018 года

Я все время забываю делать записи, а между тем, сегодня мы перешагнули во второй триместр. Сегодня началась 14-я неделя беременности. Пока что мне хорошо и ничто не беспокоит. Вообще в этот раз моё самочувствие отличается от беременностей Гришей и Мишей. Меня не тошнит, мне не хочется ничего особенного – как будто и не происходит ничего. Ношу всё еще свои обычные платья и джинсы, нигде не жмет и вообще никакого дискомфорта не испытываю. Сеня даже порой переспрашивает, а точно ли я беременна. Мальчишки носятся вокруг меня – у них уже свои игры.

Отпраздновали позавчера мишкины два года. Веселились до упаду, до ночи просидели на нашем любимом месте для пикника – хорошо, что дети уже не совсем малыши и даже именинник уснул около полуночи, но зато и проснулся на следующий день неожиданно поздно и дал всем выспаться.

Малышу: всё хорошо. Братику тебя уже ждут. На фотографии, конечно, не поняли, что это светлое пятно в темной оболочке – ты. Постоянно спрашивают о тебе. Завтра увидимся на УЗИ. Целую тебя. Мама.

26 июня 2018 года

На УЗИ мы сегодня были оба – я и Сеня. Мальчишки – в садике, да и слишком абстрактно это всё для них. Делали обязательный анализ, сейчас 14-я неделя, пока успели запрыгнуть, как говорится, в последний вагон по времени – сделали тест на синдром Дауна. Оказался отрицательным. Подождем анализ крови. Малыш вертелся, уворачивался от датчика. Но мы его увидели. Сразу вместе с анализом на СД посмотрели пол. Пока что мое предчувствие верно и врач предполагает девочку. Бурно радовались в кабинете! Наконец-то дочь! Наша Маргарита, наша Гретхен – как предложил назвать ее Сеня. Предложил, конечно, не просто так – ведь Гретхен – персонаж его любимой книги, „Фауста“. Ну а что, хорошее имя, так и назовем, я согласна. Возможно, я ещё налягу на классику – кто знает, но Маргарита или Маргарете – это звучит

хорошо и отлично сосчитается с нашей фамилией. Если я сейчас и плачу, то только от радости, что всё происходит именно так.

Договорилась насчет экзамена, разрешают перенести. Выставка в Дюссельдорфе до сих пор под большим вопросом.

Малышке:

Моя хорошая, маленькая! Моя славная нежная Гретхен! Сегодня мы получили известие о том, что можем тебя назвать именно так – и ты получила свое имя. Ты здоровая девочка, я уверена в этом. Люблю и обнимаю. Мама.

15 августа 2018

21 неделя и 3 дня. Я пришла на плановый осмотр, сегодня одна. Сеня хотел присутствовать, но совершенно некстати подхватил какую-то особо противную разновидность летнего гриппа. Он уже почти здоров, но всё же...

Мой врач в отпуске и мне пришлось ехать к заменяющей его коллеге. Фамилия у нее Зеель. Седиге Зеель. Звучит красиво. Но еще больше – и не так красиво – звучит навязчивая мелодия в голове, песенка на выдуманном языке, которую все выходные слушали мальчишки.

Госпожа Зеель находится со своим врачебным кабинетом на втором этаже большого „дома врачей“ – там сразу несколько женских докторов, кардиология, ортопед и на первом этаже – огромная аптека. Очень удобно, кстати.

Вхожу вся уже предвкушая темный монитор и малышку белыми пятнами на нём. Люблю ходить на УЗИ, для меня каждый раз – как впервые.

Пока сижу в комнате ожидания, успеваю уступить место другой беременной, на большом сроке. Мне привычно, я могу и постоять, мест-то действительно мало. Переписываемся с Сенькой:

–Еще не в кабинете?

–Вот стою жду, очередь тут такая, нехилая.

Наконец помощница врача вызывает меня, немного исковеркав фамилию. Мне привычно, что поделаться... Захожу. Доктор Зеель – женщина лет пятидесяти, орлиный нос, чёрные волосы с проседью. Очень густые черные брови, при этом тонкие, как у музыканта, пальцы на руках.

Она начинает осмотр с кресла. Всё в норме. Тогда просит меня перейти на кушетку. Мы общаемся очень тепло, доктор Зеель за те менее десяти минут, что она обследует меня, успела войти в доверие. Редко я такое видела раньше, врачи тут все больше держат дистанцию. А она – как мама или подруга, очень заботливая.

Выдавливает холодный гель мне на живот, предварительно прокомментировав: „Какой миниатюрный, аккуратный. И не скажешь, что третья беременность – выглядите превосходно!“ А живота почти и нет, если не знать, то заметить его сложно.

Она начинает водить датчиком по животу. Белые пятна плавают на экране, иногда соединяясь – и тогда картинка застывает и начинаются замеры.

–Смотрите, вот ребенок. Голова. Голова 46, всё по срокам верно и соответствует, ведь так?

Я киваю. Так.

–Да, 21 неделя и 3 дня.

–Смотрим дальше, – продолжает доктор Седиге. (Это я про себя так называю врачей, по именам) – Смотрите, сейчас так удачно лежит и можем быстренько глянуть пол – ну а потом пойдем дальше. Вам кого обещали?

–Девочку.

–Ну так будьте уверены, что девочкой она и осталась, – сияет доктор и переходит к следующим замерам уже более деловито.

–Так, вот бедро. Измеряем...

Она вводит данные и система выдает расчёты по срокам. Мелькает на мониторе цифра 18.

–Как восемнадцать, – вдруг растерянно бормочет себе под нос врач, – как? Нет, ошибка, не может быть. Перемеряем... Бедро...

–18 недель, – выплевывает непоколебимый компьютер и хотя я мало что в этом понимаю, от внезапно изменившегося выражения лица доктора мне становится не по себе.

Что-то не так? – думаю я и уже мысленно казню себя за нерегулярное питание и постоянную нервозность вкуче с недосыпом. Мне категорически не хотелось мяса в последние пару месяцев, но я ела его всё равно понемногу. Может, причина в этом и ребенок недополучил полезных веществ? Мое сознание усиленно цепляется за все возможные причины, но разум тут же холодно отменяет их. Всё это длится всего несколько секунд, но мысли проносятся в голове с невероятной скоростью. Доктор Седиге внимательно смотрит на меня и произносит:

–Я вижу кое-что странное. Прошлые УЗИ были нормальными?

–На прошлом мой врач сказал, что плод минимально меньше, чем положено по сроку. Но не критично.

Моё сердце бьется где-то в горле. Как будто я виновата в том, что с развитием что-то не так. Я вжимаюсь в кушетку: сейчас, сейчас она скажет...

–Когда я замерила бедренные кости, то выяснилось, что они по длине существенно отстают от срока развития ребенка. Обе ноги.

Я слатаываю и киваю. А доктор продолжает:

–Обязательно будем обследовать и выяснять причину, прямо сейчас же. Мне надо связаться с коллегой, он сидит в этом же здании. Пожалуйста, лежите. Я сейчас позвоню и вернусь к вам.

Она встает и выходит в смежный кабинет с письменным столом и телефоном, там мы сидели в самом начале; а я остаюсь одна в зашторенной комнате. Через дырочки в опущенных полосках жалюзи пробивается кружевной свет и если протянуть руку, играет узорами на ладонях. Снаружи – жаркий и солнечный августовский день, температура воздуха – за тридцать градусов. Но мне становится холодно, вдруг резко невыносимо холодно и начинает знобить... пока я еще очень смутно понимаю происходящее, потому не впадаю в истерику и не плачу, и только по старой детской привычке грызу ногти... ноготь на большом пальце левой руки я успеваю сгрызть до крови, сама того не заметив.

Доктор возвращается и снова произносит:

–Сейчас, сейчас, подождите, госпожа Островски. Сейчас придет коллега из соседнего врачебного кабинета.

И мы начинаем говорить – нельзя сказать, что ни о чем, потому, как говорим мы о моих старших детях и о детях доктора Седиге, которые родились еще в Иране, приехали в очень юном возрасте, а теперь уже даже не говорят по-персидски. Видно, что она очень хочет отвлечь, проявить участие... мы болтаем и она интересуется мальчишками и их развитием и увлечениями и, к счастью, не добавляет то, что добавляет каждый, кто узнает о моей беременности девочкой, „Ну вот, теперь у вас комплект“. Я вообще ненавижу слово „комплект“, потому, что у меня семья, а не костюм-тройка, чёрт побери. Я не выношу на дух, и не выносила в прошлую беременность Мишкой, когда говорили, что нам обязательно нужна будет девочка. Кто это решает, я была вполне довольна и двумя сыновьями, и вообще, ещё один ребенок совершенно не входил в планы, но... но вот он, вот его сердце – и оно уже более половины срока бьётся во мне.

Стук в дверь кабинета, заходит высокий мужчина с бронзовым от загара лицом. Он довольно молодой – ему лет сорок – и очень ухоженный, особенно руки – на это я успеваю обратить внимание, когда он подаёт мне руку для рукопожатия. Потом садится за монитор и

берет в руку датчик УЗИ – пальцы мягкие и очень аккуратные ногти. Почему я смотрю именно на руки? Почему именно на них?

–Кауфман, – низким голосом приставляется он. Я в ответ называю свою фамилию, но он уже не слушает – его интересует то, что увидела доктор Седиге. Они начинают работать уже вдвоем. Датчик снова на моем животе, они оба смотрят в монитор – долго, бесконечно долго проводят замеры, повторяют их, что-то с чем-то сравнивают, делают заметки... проверяют также и внутренние органы малышки, там оказывается тоже не всё в порядке.

Наконец доктор Кауфман поворачивается ко мне и впервые смотрит мне в глаза. Его взгляд тревожен и мне вдруг становится видно, что несмотря на бронзовый загар, под глазами лежат тени.

–Госпожа Островски, давайте я начну с хорошего, потому что в том, что мы увидели с госпожой Зеель, преобладает, всё-таки, плохое. Итак, хорошее: с количеством околоплодных вод всё в порядке.

Я пока не знаю, радоваться ли заранее, но позволяю себе осторожно улыбнуться – только слегка, углами губ. А он уже продолжает:

–Теперь к плохому. Конечности и грудная клетка развиты не по сроку, они сильно отстают...

Он говорит еще что-то, но я, хотя и напрягаюсь, понимаю всё меньше и меньше. В целом, прогноз неблагоприятный.

–Если же в общем, – деликатно вклинивается в речь доктора Кауфмана мягкий голос госпожи Зеель, то мы имеем дело с одним довольно нехорошим диагнозом. Я назову вам его перед тем, как вы уйдёте, однако это пока лишь наше предположение. Точнее сказать сейчас сложно. Много нам пока увидеть не удалось и с этим мы должны будем еще разобраться. Анализы скажут больше и там уже будет виднее, что делать.

Доктор Седиге называет мне предполагаемый диагноз – и этот набор медицинских терминов въедается в мою память моментально...

Оглушённая, я выхожу из кабинета и иду в туалет. Там долго умываюсь, смываю с лица всю косметику, пью воду горстями. Тут же пытаюсь искать в интернете информацию, но глаза застилает пелена из слёз, читать не получается и я откладываю эту затею. Тогда я набираю номер Сени. Он, кашляя, весело басит мне что-то в трубку. Когда он понимает, что в ответ я могу лишь всхлипывать, то осторожно спрашивает, как всё прошло.

–Плохо, – отвечаю я, – совсем плохо.

И вкратце, шепотом, всхлипывая, пересказываю ему всё то, через что мне пришлось пройти за прошедший час. Кладу трубку. Еще умываюсь и обтираю лицо бумажным полотенцем. Вдох – выдох, глубокий вдох – выдох... Я пытаюсь сравнить дыхание, чтобы не пугать людей и не вызывать ненужного любопытства.

Из приёмной я стараюсь уйти как можно тише, почти шепотом спросив дату следующего приема. Следующий прием назначен на послезавтра...

17 августа 2018 года

Каждый проживает горе по разному. Я попыталась не впадать в отчаяние – и это пока что удастся, хотя два дня – срок совсем не показательный.

С позавчерашнего дня я разделилась на два почти отдельно существующих человека – иначе не выжить. Вот она я, старая и всем привычная, играющая с детьми, фотографирующая заказы – ведь они ждать не станут (хотя до обработки руки пока не доходят) и отпускающая в меру смешные шутки.

Но на самом деле за красиво выстроенным фасадом, за улыбкой, которую приходится предъявлять, как пропуск в общество людей, у которых ответ на вопрос „Как дела?“ всегда будет „Всё в порядке“, царит такой хаос и такой шквал мыслей, что я даже не знаю, как мне

до сих пор не сорвало крышу. Настоящую меня видит только Сеня – да и то – по вечерам, после отбоя.

Позавчера весь вечер я проплакала на его плече и – вот честно – не было сил искать информацию и вчитываться, потому что казалось, что предел боли уже достигнут. Наутро стало немного полегче. В перерывах между фотографированием заказов, сидя в трамвае или на паузе в кафе за чашкой кофе и бутербродом, я искала в интернете информацию о предполагаемом диагнозе. Предполагаемом. Об этом нельзя забывать.

Выходило всё совершенно неутешительно – даже при том, что мы находимся в Германии и медицина здесь развита хорошо. Я изучила информацию сначала на родном русском, затем залезла в немецкоязычные источники и уже в конце выслала Сене статью на английском (которым он владел в силу профессии чуть ли не лучше немецкого). Проявления поставленного предполагаемого диагноза были настолько ужасными, что я, читая всё дальше и дальше, зажмуривалась, как от боли... но продолжала, мне надо было знать всё до последней буквы, чтобы понимать, с каким врагом мы имеем дело.

Источники все, как один, выдавали: такого ребенка нельзя вылечить.

Придя домой, мы с Сеней еле дождались отбоя и продолжили чтение.

По наблюдениям психологов, люди с таким диагнозом – если выживают – остаются чаще всего интеллектуально на уровне младенцев, с годами интеллектуальные способности не сильно улучшаются. И ещё, и ещё, и ещё... и каждый из перечисленных пунктов – как будто новый удар по уже открытой ране...

Сегодня мы снова ездили к врачу. Мой врач всё ещё отсутствует, мы были у доктора Седиге, господин Кауфман тоже пришел – и еще одна дама, коллега по фамилии Кривальд. Они снова долго-долго смотрят, измеряют, спорят... Это на самом деле, как страшный сон. Для подтверждения диагноза выписывают анализы, список внушительный, но ничего, я готова их сдать.

Но в голове засело всё, что мы прочли за вчерашний вечер, а это ад, ад для моей Гретхен. Она никогда не сможет вести нормальную жизнь, ей там не будет места и она ежедневно будет испытывать боль... Хочу ли я такой жизни для своего ребёнка? Да и жизнь ли это вообще? Да, и такие тоже живут, безусловно. Выживают. В Германии вообще к инвалидам, к счастью, относятся совершенно иначе, чем на нашей с Сеней родине, но... дело даже не в этом. Хотим ли мы обречь Гретхен на пожизненные страдания? Скажет ли она нам „спасибо“ за такую жизнь? Имеем ли мы вообще право заставлять её жить вот так? Ведь это – даже не жизнь, это – существование... И если сейчас говорить совсем уж начистоту – сможем ли мы в случае если она выживет – всю жизнь быть привязанными к больному ребёнку? Сможем ли мы выстроить свою жизнь так, чтобы это получилось? Помощи у нас здесь нет, мы со всем справлялись самостоятельно и уже двое здоровых детей стали испытанием для нас... это сложно, это изматывает, это не те сладкие фотографии, которые обманывают нас о счастье материнства... реальность куда жёстче. А с больным ребёнком? Не думаю, что мы справимся.

Я переглядываюсь с Сеней. Его рот плотно сжат, а между бровей пролегла глубокая морщина. Мне кажется, что в эти минуты он думает о том же, о чем и я. Мне кажется... но я не уверена...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.